

**«ЛУНА В ЗЕНИТЕ» –
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ КО ВСЕМИРНОМУ ДНЮ
ПОЭЗИИ**

**Материал подготовила:
ведущий методист МБУК
«Рогнединское РБО» Блохина С.Н.**

рп. Рогнедино, 2021 г.

Анна Андреевна Ахматова величайшая поэтесса 20 века, женщина с железным характером. На её долю в век революционных перемен выпало немало трудностей: репрессии и арест сына, смерть и расстрел двух мужей...стихи долгое время не публиковались, одинокая старость. Её поэзия во многом носит пророческий характер, ведь недаром считалось, что она обладает даром предвидения, но это только фантазия.

На портретах она похожа скорее на восточную царицу, чем на русскую поэтессу: горделивый орлиный профиль, потаенная печаль во взоре... В молодости величайшую русскую поэтессу Анну Андреевну Ахматову (11 июня 1889 -5 марта 1966) звали «ассирийской принцессой» и «египтянкой». Были и те, кто усматривал в ее профиле колдовские черты, неспроста еще при ее жизни многие считали ее ведьмой и побаивались оказываться с ней рядом. Когда она была уже в почтенном возрасте, ходили слухи, что Анне Андреевне достаточно взглянуть на недоброжелателя — его тут же разбивала какая-нибудь болезнь. О «ведьмином глазе» поэтессы ходили легенды. Говорили также, что она заговаривает свои стихи мистической силой. Якобы, ее читатели могли потерять разум, а столичные психиатрические клиники, якобы, переполнены теми, кто начитался «ведьминых стихов».

По одной из версий прабабушка Анны Горенко (это настоящая фамилия поэтессы) по материнской линии происходила из рода татарского хана Ахмата, где она вплоть до последних дней своих была личным оракулом хана. Она будто бы и передала свой дар наследнице.

Правда, все это больше из разряда слухов, ничем не подтвержденных. Однако были в биографии Ахматовой и реальные эпизоды, окутанные мистическим ореолом. Например, у нее имелись сильные способности к предвидению. Так, в семнадцать лет на даче она услышала разговор двух своих тетушек о соседской барышне — мол, и красавица, и умница, и талантливая, наверняка ей уготовано блестящее будущее... «Если не умрет в шестнадцать лет в Ницце от чахотки!» — вдруг выпалила Аня, дремавшая с книжкой в качалке... Вскоре девушка и в самом деле скончалась от туберкулеза в Ницце, куда она приехала лечить болезнь...

Возможно, за такие «пророчества» Анну и стали называть ведьмой. Первый супруг, поэт Николай Гумилев, посвятил ей такие строки: «Из логова змиева, / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью...». Неудивительно, что брак двух поэтов через несколько лет распался: Гумилеву было неуютно с «колдуньей»...

Осенью 1924 года Ахматова шла по набережной Фонтанки в Ленинграде и вдруг подумала: «Сейчас встречу Маяковского!». В то же время она знала, что Маяковский находился в Москве. И тут увидела — он идет ей навстречу!

Поздоровавшись, поэт сказал, что как раз думал о ней, хотел повидать, но не знал, как ее найти... Ахматова каким-то образом сумела уловить его мысли...

О своих стихах поэтесса говорила, что ей их кто-то «диктует». Она никогда не могла писать «заказных» стихов, как другие поэты. Кроме того, Ахматова считала, что ее стихи непостижимо связаны с ее собственной судьбой. Так, в 1915 году она написала стихотворение «Молитва»: «Дай мне горькие годы недуга, / Задыханья, бессонницу, жар, / Отыми и ребенка, и друга, / И таинственный песенный дар...».

Очевидцы описывая внешность Анна Андреевны всегда отмечали царственную осанку умение носить вещи, даже простая шаль лежала царственно на её плечах, поэтесса любила кольца, бусы и броши разбиралась в них и умела носить, а вот к серьги недолюбливала, говорила, что они отвлекают внимание от шеи и глаз, да и звенят в ушах ...Но сегодня мы поговорим об украшениях Анны Андреевны, их судьбе и стихам, в которых они упомянуты.

Загадочная муза российской поэзии очаровывала поклонников мистичностью и одновременно отталкивала высокомерием.

Анна Ахматова придавала украшениям не только утилитарное значение, но и магическое. Она верила, что камни хранят в себе силу, которая может поменять судьбу - предупредить о беде или спасти от смерти. В коллекции поэтессы было несколько украшений с необычной историей. Серебряный век - без мистики никуда...

Серебряный перстень-печатку Ахматова никогда не снимала с левой руки. По словам близкой подруги поэтессы - Лидии Чуковской, украшение появилось у Анны в 1914-м году, его ей подарил "безликий", которого она повстречала на улице. Мужчина был одет во все чёрное, только перчатки у него были... белые. Ахматова пыталась разглядеть его лицо, но оно не "фиксировалось" в памяти. Мужчина не сказал ни слова, достал из кармана перстень, передал его Анне, похлопал по плечу и... ушёл. Поэтесса считала, что она повстречалась со своим ангелом-хранителем...

На руке Анны красовался крупный перстень Чингисхана - подарок бабушки. Ахматова верила, что именно он оберегает ее от несчастий. Но однажды она сняла его и отдала мужчине - тому, которого действительно любила. Это случилось в 1916 г. В том же году украшение покинуло территорию России, и вскоре жизнь поэтессы пошла под откос.

Этим мужчиной был поэт, художник мозаичист Борис Анреп, они мало виделись, но 13 февраля 1916 года, перед командированием его в Лондон в Русский правительственный комитет, где он работал до конца войны, произошла знаменательная встреча. Они встретились

в Царском Селе, в доме их общего друга, поэта и драматурга Николая Недоброво, пригласившего их прослушать только что законченную им трагедию. Вот как писал об этом сам Анреп в своих воспоминаниях "О черном кольце": "Стихотворные мерные звуки наполняли мои уши как стуки колес поезда. Я закрыл глаза. Откинул руку на сиденье дивана. Внезапно что-то упало в мою руку: это было черное кольцо. "Возьмите, - прошептала А. А. - Вам".

В «Сказке о черном кольце», под которой стоит дата «1917—1936», это событие в окончательном варианте воспроизведено так:

*...Как за ужином сидела,
В очи чёрные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный ...*

"В Англии такие кольца назывались "траурными". Кольцо было золотое, равной ширины, снаружи было покрыто чёрной эмалью, но ободки оставались золотыми. В центре черной эмали был маленький брильянт. Анна Андреевна всегда носила это кольцо и приписывала ему таинственную силу".

Анреп считал, что кольцо завещала Ахматовой её бабушка. Сама Ахматова в "Сказке о черном кольце" писала:

*«Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки:
И зачем я крещена.
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела.
И впервые пожалела.
И вздохнула: "Ах, года!
Вот и внучка молода".
И, простивши нрав мой вздорный.*

Завещала перстень черный.

Так сказала: "Он по ней,

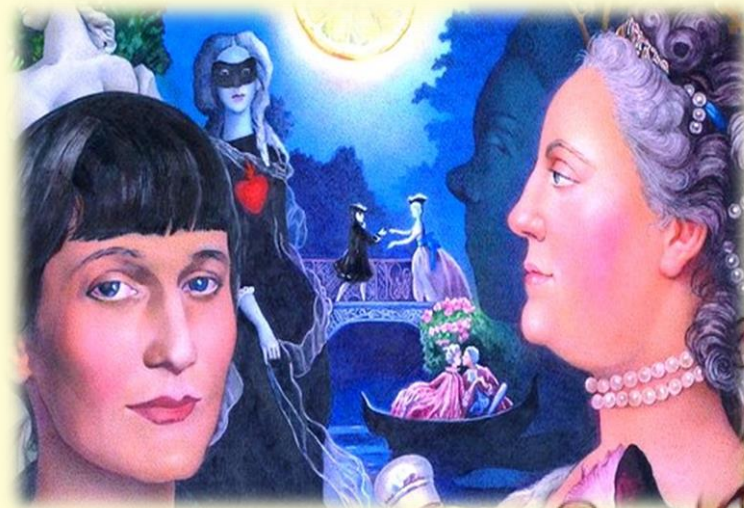
С ним ей будет веселей".

Но бабушки-татарки у Ахматовой не было. Была прабабушка, носившая в девичестве татарскую фамилию, которую Анна Андреевна Горенко сделала своим поэтическим псевдонимом. Однако Прасковья Федосеевна Ахматова была русская дворянка, и умерла она задолго до рождения правнучки Анны. Татарские предки, вероятно, были у Ахматовой, но в гораздо более отдаленные времена. Значит, перед нами отчасти легенда. Но и те реальные события, которые разыгрались вокруг кольца, похожи на легенду.

Анреп редко бывал в Петрограде, а после Февральской революции навсегда поселился в Лондоне. Прощаясь с ним, Анна Андреевна сказала про кольцо: "... оно вас спасет". Долгое время Анреп носил ахматовское кольцо на цепочке вокруг шеи, но однажды цепочка оборвалась - и с тех пор он хранил кольцо в шкатулке красного дерева, стоявшей в его студии. Во время Второй мировой войны студия была разрушена при бомбардировке города, сам Анреп чудом остался жив. а кольцо унесли воры. "Стыд. Не уберег святыни..."

В 1965 году Ахматова приехала в Оксфорд, куда она была приглашена для получения почётного звания доктора филологии. Была и в Лондоне. Борис Анреп писал в связи с этим: "Я оказался трусом и бежал, чтобы А. А. не спросила о кольце. Увидеть ее? "Мою Россию"!

Не лучше ли сохранить мои воспоминания о ней, какой она была?" Он бежал в Париж. Однако Ахматова также приехала в Париж на несколько дней. Встреча состоялась. "В кресле сидела величественная, полная дама. Если бы я встретил ее случайно, я никогда бы не узнал ее, так она изменилась. "Екатерина Великая", - подумал я.

Я слушал, изредка поддерживал разговор, но в голове было полное безмыслие, сердце стучало, в горле пересохло - вот-вот заговорит о кольце". Ахматова о кольце не заговорила. Хотя и помнила о нем. И в 1961 году она писала:

*«Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало»,
— И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо»*

*«Семь дней любви и вечная разлука» Анна Ахматова и
Борис Антrep*

Анна Ахматова и Николай Гумилев

Со своим будущим мужем поэтом Николаем Гумилёвым Аня Горенко познакомилась еще четырнадцатилетней девочкой в 1903 году, когда он опубликовал её стихотворение "На руке его много блестящих колец..." в журнале "Сириус" издававшемся им в Париже.

Позже между ними возникла переписка, а в 1909 году Анна приняла официальное предложение Гумилева стать его женой. 25 апреля 1910 года они обвенчались в Николаевской церкви села Никольская слобода под Киевом. Свой медовый месяц Ахматова провела в Париже, затем переехала в Петербург и с 1910 по 1916 г. жила в основном в Царском Селе.

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной

Многие, кто близко знал Ахматову, отмечали, что она любила красивые вещи, знала в них толк, приобретала, но через какое-то время дарила их без сожаления, при этом, как правило, горячо убеждая принять подарок. Чувство собственности было ей несвойственно. Но все же с некоторыми книгами она не расставалась. По жизни сопровождали ее Пушкин, Данте, Шекспир и Библия. Никому не подарила она и серебряный перстень с черным камнем — она очень его ценила и не рассталась с ним до конца. Это был подарок ее первого мужа — поэта Николая Гумилева. Ахматова носила перстень на левой руке, вначале — на указательном пальце, с возрастом — на безымянном. Позируя фотографам и художникам, она старалась так положить левую руку, чтобы перстень был виден.

...Николай Гумилев привез в подарок Анне Андреевне два серебряных перстня, по-видимому, из своего четвертого африканского путешествия 1913 года. Один из них черный. Другой, с сердоликом-геммой, тревожил воображение многих, но, пожалуй, особой роли для Ахматовой не сыграл.

...На руке, почти прозрачной,
С аравийской геммой кольцо,
Что несчастья и неудачи
Приносило, по мнению глупцов.

Черный же перстень Анна Андреевна в последнее десятилетие жизни носила постоянно. Именно с ним мы неизбежно связываем строки, написанные ею после 1960 года и опубликованные посмертно:

И черной музыки безумное лицо
На миг появится и скроется во мраке,
Но я разобрала таинственные знаки
И черное мое опять ношу кольцо.

С особым трепетом Анна Андреевна относилась к бусам и брошам из натуральных камней, умела их носить, верила, что они придают силы, по воспоминаниям современников вот несколько описаний...

Ахматова не расставалась с одной брошкой. Она ее купила в Петербурге. Случайно. Об этом вспоминал Иосиф Бродский...

Как-то за завтраком Анна капнула на блузку варенье из чёрной смородины. На её глазах ровное пятно превратилось из темно-красного в чёрное. Казалось бы, ничего особенного. Сменив одежду, Ахматова отправилась на прогулку. На витрине одной лавчонки она увидела брошь - копию утреннего пятна. В груди закололо - знак. Анна купила украшение. А вернувшись домой, заметила - пятна на блузке нет...

Владимира Георгиевича Гаршина (1987-1956 гг) можно было отнести к категории "старых интеллектуалов": ученый, знаток поэзии и сам немного поэт, ценитель литературы, коллекционер, нумизмат.

Впервые они встретились феврале 1937 года во время обследования Анны Андреевны. Их познакомил лечащий врач поэтессы. А уже весной у них завязался роман (в то время поэтесса все еще жила в доме своего бывшего мужа - Н.Н.Пунина).

Виновных нет... (Анна Ахматова и Владимир Гаршин)

*Из каких ты вернулся стран
Через этот густой туман?
Или вижу я в первый раз
Ясный взор прощающих глаз?
Гаршину В.Г.*

Камея из черного и белого агата с портретом Ахматовой принадлежала В. Гаршину. Анна Андреевна не преминула выразить своё состояние в очередном шедевре:

*Один идёт прямым путём,
Другой идёт по кругу
И ждёт возврата в отчий дом,
Ждёт прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,*

А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

Однажды Гаршин подарил Ахматовой брошь-камею. Анна Андреевна сохранила её. Теперь брошь находится в музей-квартире Ахматовой в Фонтанном доме и выставлена в экспозиции Белого зала.

Рядом с брошью помещено пояснение: Камень с портретом Ахматовой. Камень принадлежала Владимиру Георгиевичу Гаршину, с которым Ахматова в начале 1940 годов предполагала связать свою жизнь.

В день смерти Гаршина 20 апреля 1956 года камень внезапно треснула. Ахматова посчитала, что это был Знак. Я думаю, это было простым совпадением.

Еще одна история о треснувшем камне, о том, как Ахматова узнала о его смерти, рассказывала А. Г. Каминская: "Однажды утром Анна Андреевна опустила руку за брошкой в бочонок-коробку, где она у нее лежала. Она постоянно пользовалась большой темной брошкой... Там же, в бочончке, лежала и вторая ее брошка, маленькая, с темным лиловым камнем. На камне высоким рельефом была вырезана античная женская головка. Камень был в простой металлической оправе с прямой застежкой, работа конца XIX века. Эта брошка носила название "Клеопатра" и надевалась довольно редко. Я знала, что эта брошка - подарок Анне Андреевне от Гаршина, она ее хранила как память о нем. В то утро Анна Андреевна вынула из бочонка "Клеопатру" и вдруг спросила меня: "Ты ее не трогала?" - "Нет, Акума"... Она взволнованно смотрела на брошку - камень треснул сквозной трещиной прямо через лицо головки. Через несколько дней Анна Андреевна узнала о смерти В. Г. Гаршина - он умер 20 апреля, и это был тот день, когда она увидела трещину на камне.

В.Г.
Из каких ты вернешься стран
Через этот пустой туман,
Или вижу я в первый раз
Ясный взор прощающих глаз.
1937.

Названия украшений все-таки встречаются в стихах Ахматовой. Вот поэтический автопортрет 1913 года - времени расцвета красоты и славы:

* * *

*На шее мелких чёток ряд,
В широкой муфте руки прячу.
Глаза рассеяннo глядят
И больше никогда не плачу...*

Бусы, брошь, кольцо - эти украшения мы видим на многих фотографиях Анны Ахматовой и на некоторых ее портретах. Но еще более значимая, почти неотъемлемая часть ее наряда - шаль:

*«Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи...»
Александр Блок*

*«Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.»
Осип Мандельштам*

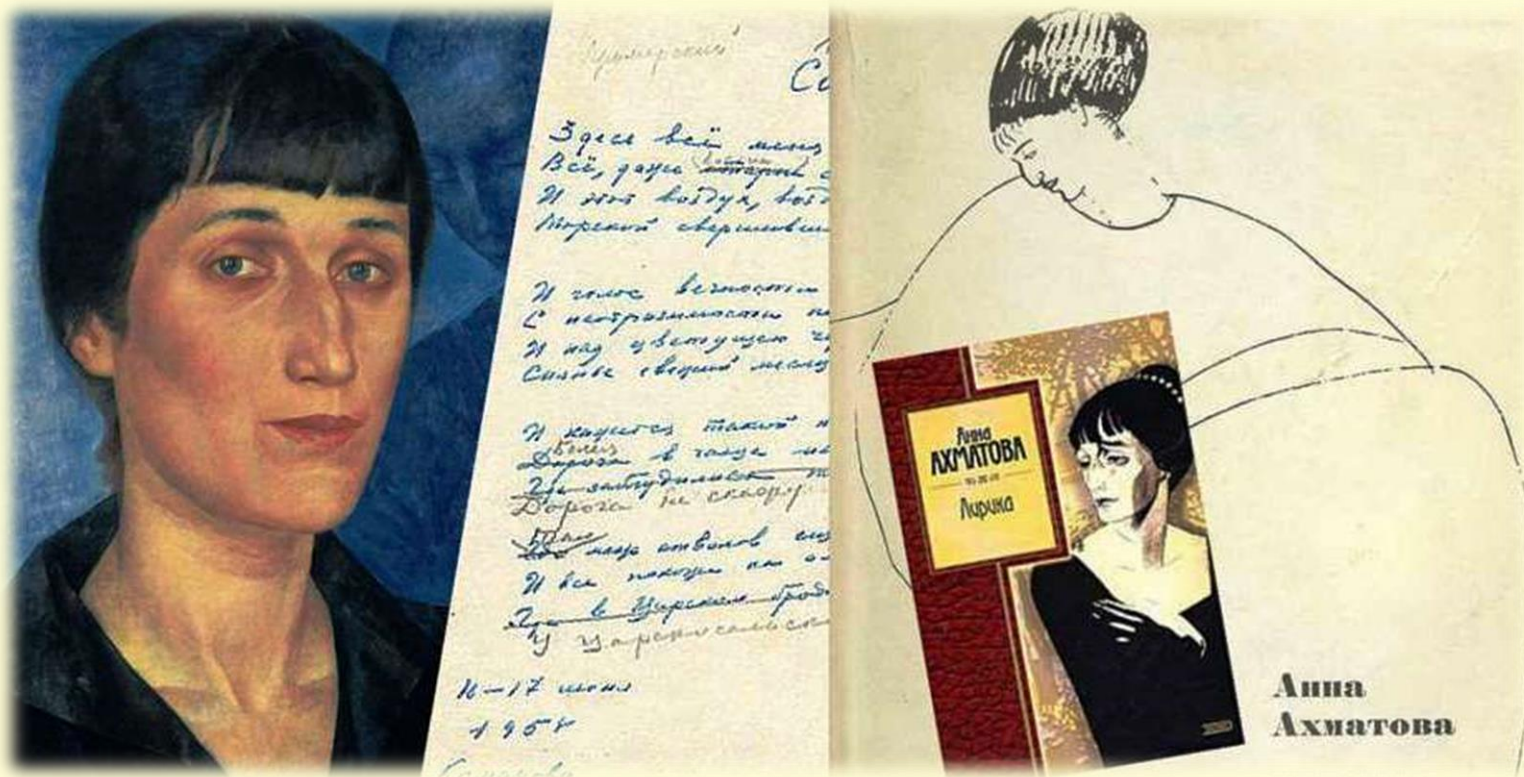
Шаль напоминает не столько о болезненности Ахматовой (в течение многих лет она была больна туберкулезом), сколько об ахматовской царственности.

Любой платок на ее плечах превращался в мантию. Также было и с украшениями. Самые простые бусы (какие она зачастую носила в советское время) на шее Ахматовой казались подлинно драгоценными.

Анна Андреевна очень любила бусы и эти украшения везде она называла «чёрными», но на многих портретах она изображена в бусах белого цвета, это портрет, который написал Алексей Баталов, которого Ахматова очень любила, он был сыном её близкой подруги Нины Альшанской, Ахматова не любила позировать, но знала, что Алексею очень хорошо удастся передать настроение через лицо.

Через портретную галерею Анны Андреевны можно проследить всю её биографию. Анну Ахматову рисовали Амедео Модильяни и Кузьма Петров-Водкин, Иосиф Бродский и Алексей Баталов. Искусствовед Эрих Голлербах говорил: «В портретах Ахматовой больше правды о ней, чем в книгах десяти критиков».

Фигура «Ночи» (портрет Модильяни)

Амадео Модильяни - художник с трагической судьбой, слава к которому пришла после его ранней смерти, рисунки Анны Ахматовой, написаны карандашом, словно художник не отрывал его от листа, это единые линии... Ахматова познакомилась с ним в далеком 1910 году в Париже, в кафе «Ротонда», много образов он рисовал по памяти, этот рисунок Ахматова сохранила. «Модильяни, художник и еврей» - представился Амедео русской девушке Анне в 1910 году.

Они недолго будут вместе. Он - одинокий и бедный итальянский художник, она - замужняя русская женщина. Ей нужно возвращаться к мужу. Это конец их парижской истории. Прощаясь, Амедео протянул ей пачку рисунков, подписанных как обычно «Моди». Анна скажет, что все рисунки, которые Моди передал ей, сгорели. Это не так. Их обнаружат в 1993 году на Венецианской биеннале. Анна Андреевна напишет эссе «Амадео Модильяни».

Это позже они станут великим Модильяни и невероятной Ахматовой, а тогда это были просто молодые и талантливые ребята.

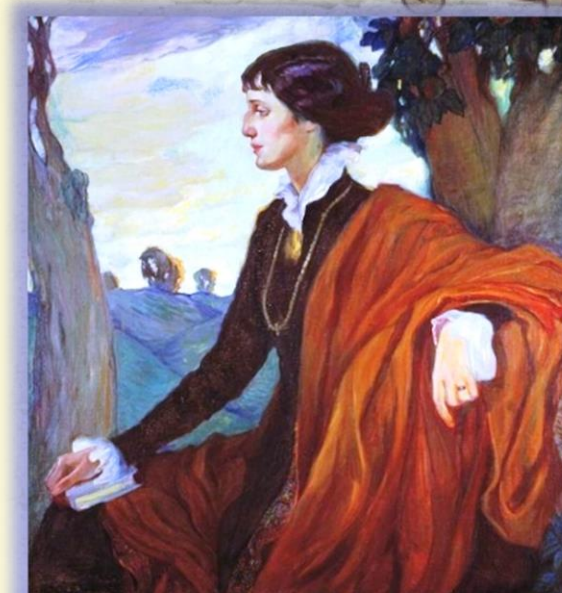
«Такая, какой ее знали друзья — поэты» (портрет Альтмана)

1914 год. Вышел второй сборник Ахматовой — «Четки», который принес ей признание. На портрете Натана Альтмана она предстала гордой, но уязвимой. Практически в одно время с Альтманом Ахматову написала Ольга Делла-Вос-Кардовская.

В своих воспоминаниях дочь художницы Екатерина сравнивала эти две работы: «Но как ни нравится мне с художественной стороны ахматовский портрет работы моей матери, и все же считаю, что Ахматова такая, какой ее знали ее друзья — поэты, поклонники тех лет, Ахматова «четко» передана не на этом портрете, а на портрете работы Альтмана».

Об авангардном портрете и самом Натане Альтмане поэтесса писала в стихотворении «Покинув рощи родины священной».

*Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.*

Портрет Ахматовой работы Ольги Карловской. 1914 год

«Русская царица» (портрет Лянглебена)

1964 год. Ахматову снова начали печатать, восстановили в Союзе советских писателей. В Италии поэтесса получила литературную премию «Этна-Таормина». Ее сына реабилитировали — он был освобожден в 1956 году.

В этот год Моисей Лянглебен написал один из последних портретов Ахматовой (уже в 1966-м ее не станет). Он писал ее с натуры пять раз, на четырех выполненных тогда портретах Ахматова оставила свои автографы — знак того, что работы ей понравились.

Анна Андреевна Ахматова умерла 5 марта 1966 года, похоронена на кладбище в Комарово под Санкт-Петербургом.

*Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.*

*Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полыню пахнет хлеб чужой.*

*А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.*

*И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.*

